

УДК 168

Д.В. Винник

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДЕТЕКЦИИ ФАКТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

Анализируются теоретические пределы средств детекции фактического содержания сознания субъекта с точки зрения современных физикалистских и функционалистских концепций. Обосновывается тезис, что абсолютно надежная расшифровка содержания интенциональных состояний возможна только при наличии полной функционалистской теории. Однако существующие аналоговые методы имеют большой потенциал определения ментального содержания при условии настройки оборудования на конкретного субъекта.

Ключевые слова: философия сознания, интенциональность, контроль сознания, электроэнцефалография, физикализм.

Человек, как известно, существо разумное и социальное. На диалектическое противоречие между этими двумя существенными свойствами человека не раз обращали внимание философы. Понятия, описывающие оба этих свойства, являются достаточно объемными. Тем не менее социальность можно рассматривать как некоторую форму отношений власти и подчинения между разумными субъектами. Однако поскольку человек – существо разумное, эффективность прямых насильственных форм контроля за поведением других людей сильно ограничена. По этой причине контроль над разумом других людей является первостепенной задачей субъектов, стремящихся к власти. Человеческая история знает множество институциональных форм такого контроля, к которым можно отнести религию, идеологию и даже в известной мере науку. Между тем подробное изучение его теоретических предпосылок и методологии контроля над разумом является до некоторой степени табуированной областью научных интересов. Эта область интересов имеет немало разных названий: «манипулирование сознанием», «контроль сознания», «управление сознанием», «программирование сознания», а также существует ряд слов и устойчивых словосочетаний, указывающих на отношение к ней: «зомби», «промывка мозгов», «маньчжурский кандидат». Последний термин вошел в обиход после появления в прокате одноименного научно-фантастического фильма производства США, в котором показана технология подготовки агента, чье сознание содержит неведомую для него самого психологическую программу-закладку, срабатывающую в определенное время.

Тех ученых и интеллектуалов, кто касается этой тематики, нередко обвиняют либо в безнравственных стремлениях и в том, что в основе их научных интересов лежат порочные социальные ценности, либо в параноидальном складе ума. Следует признать, что далеко не редко эти обвинения бывают вполне оправданными. Данная тематика предельно мифологизирована и засорена множеством квазинаучных гипотез, паранаучных концепций и труднопроверяемых фактов. Ее часто привязывают к деятельности могуществен-

ных спецслужб, что не способствует ясности и достоверности аргументации эмпирического характера. Количество домыслов и спекуляций настолько огромно, что многие считают этот дискурс изначально патологическим по своей форме.

Действительно, если использовать понятие контроля сознания в качестве онтологического, социальная онтология неизбежно вырождается в бредовую концепцию параноидального характера, в которой все формы сознания являются иерархически упорядоченными конструктами, специально созданными для контроля над иерархией разумных существ. Но понятие контроля, очевидно, не является онтологическим, оно является видовым понятием по отношению к понятию влияния, или воздействия, на психику. Следует отметить, что корректнее употреблять термин не «контроль сознания», а «контроль психики», однако устоялся именно первый термин. Психика любого индивида является полем, на котором соперничают друг с другом различные формы влияния на сознание. Все мы в той или иной степени находимся под влиянием множества факторов, начиная с конкретных людей и заканчивая безымянными концепциями. Контроль психики является крайней, наиболее жесткой и предсказуемой по своим результатам формой влияния на сознание. Однако в теоретических целях представляется более целесообразным рассмотреть именно такой вырожденный случай влияния на сознание, как контроль. Кроме того, существуют самые общие философские и конкретно-научные теоретические предпосылки, демонстрирующие тот простой факт, что ничего некорректного и противоестественного с точки зрения науки в рассмотрении психики как объекта контроля нет. Этот объект может быть как индивидуальным, так и коллективным, соответственно, контролироваться может как индивидуальное, так и групповое и массовое сознание.

В результате анализа философской, научной и околонушной литературы, включая научно-фантастическую (именно в этом виде литературы данная тема обсуждается наиболее интенсивно), можно вычленить несколько подвидов контроля сознания:

- 1) контроль волевой функции психики человека (подавление его собственной воли и замещение ее чужой волей);
- 2) контроль ценностных установок и связанных с ними мотиваций поступков;
- 3) контроль фактического содержания сознания (знаний субъекта);
- 4) прямое удаленное управление человеком с помощью технических устройств (remote control).

Особый интерес представляет технический контроль содержания сознания, в первую очередь — определение фактического содержания состояния субъекта. Набор этих методов будем называть термином «ментоскопирование». Этот термин заимствован из романа братьев Стругацких «Волны гасят ветер», в котором он употребляется по отношению к техническим методам сканирования мозга для определения содержания сознания. В последние годы произошел существенный прорыв в электрокортикографии — методе снятия энцефалографических показателей непосредственно с коры головного мозга. Несмотря на то, что этот метод не позволяет надежным способом детектировать ложь, он имеет массу других преимуществ: с его помощью мож-

но определять множество типов психологических состояний. Успехов в этой области добилась группа ученых из Университета штата Юта, возглавляемая доктором П. Хаусом (P. House). Доктор Хаус и его коллеги создали технологию, способную совместить тонкость считывания, как у инвазивных (погруженных непосредственно в мозг) электродов, с безопасностью почти такой же, как у электродов ЭЭГ, сидящих на простой шапочке. Как указывается в отчете исследователей [1], с помощью микроэлектродов компьютер «считывал» мысли больного, когда тот последовательно произносил про себя 10 слов: «да», «нет», «горячо», «холодно», «голоден», «испытываю жажду», «привет», «кто свидания», «больше», «меньше».

Американское оборонное агентство DARPA, известное своими крайне амбициозными разработками и исследованиями, получило грант армии США на создание боевой «телепатической» системы – системы распознавания мысленной речи, которая позволит солдатам общаться на поле боя, не раскрывая рта [2]. Четыре миллиона долларов на следующие пять лет получил консорциум трех университетов: Калифорнийского в Ирвайне, Университета Карнеги – Меллона и Университета Мэриленда. «Шлем мысли» (thought helmet) должен считывать мозговые волны, анализировать их в реальном времени и выявлять фрагменты, соответствующие речи, произносимой про себя. Далее эти фразы предполагается синтезировать на компьютере и отправлять по радио другим бойцам, которые услышат своих боевых товарищей в наушниках.

Как можно понять из множества публикаций на эту тематику, успешность таких разработок во многом зависит не столько от качества детекторов, сколько от алгоритмов расшифровки аналоговой информации головного мозга. Институт перцепционного искусственного интеллекта (IDIAP) в Швейцарии, согласно заявлению его директора Ж.А. Ферреса (J.A. Ferrez), добился успеха в создании технологии расшифровки мозговых ритмов, позволяющей определить актуальный тип ментального состояния человека: думает ли человек о вычислениях, о каком-либо месте, о цвете или об ужине [3].

Актуальным представляется следующий вопрос: каковы теоретические пределы ментоскопирования? В глубоко скрытом виде те или иные ответы на этот вопрос можно обнаружить в различных концепциях философии сознания. Это направление философии выросло из англо-американской аналитической философии во второй половине XX в., как раз во времена совершенствования методологии управления сознанием. Есть основания выдвинуть радикальный тезис: объективными социальными причинами появления и бурного развития этого философского направления стали фундаментальные вопросы со стороны психологов, психофизиологов и политиков о принципиальных теоретических границах физических средств контроля сознания. То, что данная тематика практически не обсуждается открыто и явно, за исключением критики бихевиоризма Скиннера, не является однозначным свидетельством в пользу того, что это не так.

Множество мысленных экспериментов, придуманных представителями аналитической философии сознания, недвусмысленно говорит в пользу этого тезиса [4]. Чего только не совершали они с воображаемыми персонажами: отбирали у родителей девочку Мэри сразу после рождения и не давали ей

видеть красный цвет, вооружая ее всеми теоретическими знаниями о красном цвете; заменяли поэтапно участки мозга на функционально тождественные чипы вплоть до полной замены мозгового вещества, объединяли китайскую нацию телефонной связью в громадный компьютер, функционально тождественный человеческому мозгу, изучали возможность существования «зомби», который абсолютно адекватен, но у которого нет самосознания вообще; хирургически перекоммутировали терморцепторы, двигательные нейроны, чтобы человек, притрагиваясь к горячей плите, отдергивал руку, кричал «Горячо!» и при этом испытывал чувство холода; пересаживали двум людям полушария мозга друг друга для выяснения вопроса, кто получится в итоге; вынимали мозги из черепа и помещали их в банку с физраствором, полностью симулируя им реальность через нервные окончания, и т.д.

В философии сознания конкурируют множество направлений, но применительно к нашей тематике их можно объединить в два класса: редуктивный физикализм и нередуктивный физикализм. Если верны основные посылки редуктивного физикализма, согласно которым существует взаимно однозначное соответствие между физическими состояниями мозга и ментальными состояниями, то никаких пределов контролю сознания нет. Если же верны посылки нередуктивного физикализма, согласно которым ментальные состояния обладают свойством мультиреализуемости по отношению к физическим состояниям, то предел есть. Но этот предел носит гносеологический характер, поскольку одно и то же ментальное состояние у разных людей и у живых существ вообще может реализовываться на разном (бесконечном) количестве физических состояний [5]. Это означает, что не существует надежного метода привязать ментальное содержание к физическим параметрам в целях успешной детекции.

В области исследований по искусственному интеллекту соперничают подходы когнитивизма и коннективизма. Если правы когнитивисты, утверждающие, что существует «язык мысли» – программа, лежащая в основе наших интеллектуальных функций, то эту программу теоретически можно дешифровать, получив полный доступ к содержанию сознания. Если же правы коннективисты, считающие, что такой программы не существует, а мозг является статистической машиной параллельного типа, то средств дешифровки содержания сознания нет, поскольку ничего, кроме примитивного логического синтаксиса, мы не получим.

Есть серьезные основания полагать, что редуктивные материалисты и когнитивисты не правы и универсальное надежное средство ментоскопирования всех индивидов теоретически не существует [6]. Тем не менее это не означает, что аппаратуру нельзя эмпирически настроить на мозг конкретного человека.

Следует обратить внимание на еще один важный теоретический аспект – наличие фундаментальной разницы между качественными (ощущения, эмоции) и интенциональными (конкретные желания, страхи, убеждения, мысли, знания) состояниями. Если первый тип можно детектировать достаточно успешно уже сейчас, то в случае со вторым типом это невозможно. Существующая техника позволяет установить с некоторой вероятностью только тип интенционального состояния, но не его содержание. Может оказаться, что

убеждение в существовании Бога и убеждение, что Земля вращается вокруг Солнца, окажутся идентичными с точки зрения физических параметров их реализации на материальном уровне. В пользу этого есть немало аргументов в рамках концепции семантического экстернализма.

Также для ответа на рассматриваемый вопрос имеет значение, какова физическая элементная база мозга, на основе которой он производит вычисления, и, соответственно, каков тип логики, на котором вычисления основаны. Если эта логика вероятностная, то пределы теоретическим возможностям ментоскопирования, очевидно, есть, поскольку дальше аналоговых способов расшифровки содержания сознания наука в принципе уйти не может. Но, как было отмечено ранее, аналоговые способы могут быть достаточно эффективны, особенно в случае длительной настройки.

В заключение стоит сказать, что остается надежда на то, что мозг является очень лабильной и гибкой системой, способной к быстрой перенастройке своих сегментов на другие интеллектуальные функции и к смене семантики, которая, как известно, не то что аналоговыми, но даже цифровыми средствами пока не описывается. Однажды пойманная мысль, осознав, что ее поймали, легко уплывет в другую синтаксическую структуру. Если это действительно так, то всегда останется место и для философии.

Литература

1. *The Brain Speaks* – Scientists Decode Words From Brain Signals // URL:[http:// www. bme-dreport.com/archives/17023](http://www.bme-dreport.com/archives/17023)
2. Для американских солдат разрабатывают систему телепатического общения // URL: <http://www.membrana.ru/particle/13024>
3. Ильин Ю. Единым усилием мысли: мозговые ритмы и управление компьютером. // URL: <http://www.membrana.ru/particle/2588>
4. Винник Д.В. Мысленный эксперимент в теории сознания: К вопросу об интерпретации чувственных данных // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1. С. 3–8.
5. Винник Д.В. Физические, функциональные и ментальные состояния: Проблема соотношения // Философия науки. 2010. № 2. С. 92–104.
6. Винник Д.В. Атрибутивный дуализм // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 1. С. 19–23.